

*Каждый раз она
открывает что-
то новое не только
для нас, но и для
самой себя*

Алла Сигалова:

«ПРОФЕССИЯ ХОРЕОГРАФА – ДЕЛО ИНТИМНОЕ»

НА ПУТИ К УСПЕХУ ЕЙ ПРИШЛОСЬ МНОГОЕ ПРОЙТИ И ПЕРЕЖИТЬ. НО ОНА НЕ СЛОМАЛАСЬ. И СТАЛА ЕДИНСТВЕННОЙ И НЕПОВТОРИМОЙ. ВСЕГДА РАЗНОЙ, НО ВСЕГДА УЗНАВАЕМОЙ. СЕГОДНЯ ОНА ОДИН ИЗ САМЫХ ЯРКИХ, ИНТЕРЕСНЫХ И ВОСТРЕБОВАННЫХ ХОРЕОГРАФОВ И У НАС, И ЗА РУБЕЖОМ, ЛЮБОПЫТНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕЖИССЕР, ЗАВ. КАФЕДРОЙ ПЛАСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В ШКОЛЕ-СТУДИИ МХАТ, А ГЛАВНОЕ, НЕОРДИНАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

«В ОТНОШЕНИЯХ С АРТИСТАМИ СТОЛЬКО ИГР, СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ В СЕМЬЕ»

Женщина, всю жизнь ставящая спектакли о любви, самозабвенно преданная своей профессии, настоящий трудоголик, признается, что самым важным для нее всегда были дети и что несчастен тот человек, для которого работа или что-то другое находится на первом месте.

Алла, у вас сегодня рядовой день?

Если да, из чего он обычно состоит?

Да, абсолютно. Рядовой день состоит из провожания сына в школу, из студентов, репетиций, встреч с вами (улыбается) и т.д. и т.п.

А день премьеры по графику, ритму жизни сильно отличается?

День премьеры — это день, к которому ты стремишься три месяца, полгода, может быть, год, а может быть, ты десятилетия ждал этой премьеры и думал об этом спектакле, который, наконец, состоится. Поэтому премьеры, конечно, знаменательное событие. И это особенный день. Но многие вещи в моей жизни все равно остаются неизменными — такие, как проводы сына в школу (смеется).

Кстати, а какие у вас премьеры впереди?

Дипломный спектакль на четвертом курсе, а весной — на третьем. Кроме этого через несколько месяцев мы с Алвисом Херманисом должны выпустить в Италии спектакль по прозе Ивашкевича. Так что дел очень много, как всегда. **Вы работали во многих странах. А какой иностранный язык у вас свободный?**

У меня хореографический свободный (*улыбается*). Сказать, что я на приличном уровне владею каким-то языком, не могу. Но на французском мне легче разговаривать. Для всех балетных людей французский язык более родной.

А Франция — это ваша страна по ощущению, атмосфере, любви к языку?

Моя страна — это Россия. А люблю я и Германию, и Францию, и Испанию, и Голландию, и Норвегию, и Австрию, потому что все страны уникальны. В каждой можно найти какие-то совершенно потрясающие города, потрясающие музеи, ландшафты — да все, что угодно. Я не могу сказать, что есть какая-то страна, которая меня бы оттолкнула. И назвать ту, которую я выделяю более всего, тоже не могу. Мне везде интересно. Естественно, если ты работаешь там, у тебя меньше времени на познание страны, но все равно даже путь из гостиницы до театра уже занимателен, уже интересен. Мне кажется, это зависит от человека. Можно прожить всю жизнь на Монмартре и ничего не увидеть, ничего не принять и не почувствовать.

У вас никогда яркая идея, озарение не приходили от каких-то жизненных впечатлений или вдохновение всегда сваливается с неба?

Да, оно именно сваливается с неба. Просто я считаю, что бессмысленно лежать на диване и ждать, когда оно на тебя свалится. Нужно все время быть в работе. А вообще я не люблю это слово, не могу его даже произносить...

А бывало, что в какой-то работе вы чувствовали, что не получаете, не идет?

«ПРЕДПОЧИТАЮ УВАЖАТЬ ЛЮДЕЙ, У МЕНЯ ТАКОЕ ВОСПИТАНИЕ»

Да, очень часто бывает, что день не складывается, репетиции не складываются.

А два дня, три, неделя?

Ой, нет, что вы! Никогда. Ну, это я сойду с ума (*смеется*). Может быть, день, может, два, но неделя — это уже перебор.

Вы никогда не заменяли артиста в процессе работы, например потому, что не понимаете друг друга, не совпали характерами?

Такого у меня не бывает. Это профнепригодность, когда говоришь, что с кем-то или с кем-то не совпал (*смеется*).

Вы терпите, если актер как-то не так ведет себя на репетиции: срывается, кричит на партнера и т.д., объясняя это эмоциональной природой своей натуры?

Я считаю, что не надо на других перекладывать нюансы какого-то своего внутреннего самочувствия, но это не значит, что я говорю про работу и про артиста. Конечно, артист может себя вести некорректно, но я всегда понимаю, когда человек взнервляется, потому что ищет, пробует, потому что у него не получается. В работе могут быть разные моменты. Но оправдывать то, что он кричит на партнера... Есть законы, которые нельзя нарушать. Это все в этике Станиславского написано. Есть этика на работе, во взаимоотношениях в профессии. Воспитание, в конце концов.

То есть актер, несмотря ни на что, может держать себя в руках?

Он, может быть, и не может. Но он должен! Должен хотя бы пытаться это делать, потому что другим актерам, которые рядом с ним находятся, так же тяжело и они так же находятся в поис-

ке, так же переживают на тему «получается — не получается, готовы — не готовы»... Поэтому мне кажется, что это этические вещи, которые необходимо соблюдать. **Вы не раз говорили, что в работе вы человек жесткий. А в чем это проявляется?**

В требовании дисциплины, наверное. Это включает в себя очень много моментов.

Но вы на артистов никогда не кричите, не повышаете голоса?..

А зачем? Мы делаем одно дело.

Но, например, о талантливейшем главном режиссере Театра им. Маяковского Гончарове в этом смысле до сих пор ходят легенды...

Актеры с ужасом вспоминают свои страхи и унижения...

Мало того, это я много-много раз видела собственными глазами, потому что мы работали с Андреем Александровичем. Нет, я предпочитаю уважать людей. У меня такое воспитание, у него другое. Ему, наверное, казалось, что этим самым он как-то их взбадривал, доводил до нужного состояния. Но я противник таких методов. Считаю, что профессия хореографа и вообще работа в театре — дело очень интимное. И с каждым артистом выстраиваются очень интимные, доверительные отношения с точки зрения эмоциональной близости. Поэтому в этих отношениях бывает столько нюансов, каких-то ходов, игр, которые работают на то, чтобы мы сделали вместе то, что хотим сделать. Это очень сложные взаимоотношения. Наверное, даже сложнее, чем в семье.

Во время репетиции вы какие-то замечания делаете вслух, а что-то говорите только наедине?

Обязательно! Вообще этот вопрос, который вы затронули, очень важный. Нужно крайне внимательно относиться к тому, что можно сказать во всеуслышание, а что можно сказать только индивидуально, с глазу на глаз.

Случалось, что вы переживали, потому что что-то сказали вслух?

Конечно, я делала и делаю ошибки. И еще как переживаю! Просто

я очень люблю людей, с которыми работаю. Я в них влюбляюсь, и многие из тех, с кем я работала, остаются в моей жизни, становятся близкими людьми. Притом что мы иногда можем не общаться годами, все равно чувствуем эту связь и в какой-то момент, вдруг увидевшись, испытываем невероятную радость от встречи.

В любом случае в своей дальнейшей жизни все равно несешь некий опыт общения с каким-то особенным актером или особенным человеком, с которым ты встретился. Поэтому для меня очень важны эти встречи. Очень важны! Но человек необязательно должен присутствовать в моей жизни. Я могу не слышать голос Гидона Кремера годами, но он для меня ориентир не только в профессии, а вообще в понимании мира, в понимании того, что такое личность, индивидуум, художник,

«МНОГИЕ ИЗ ТЕХ, С КЕМ Я РАБОТАЛА, ОСТАЮТСЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

человек, в конце концов... Я говорю все эти слова, и мне самой противно, потому что они ничто, ноль по сравнению с такой фигурой, как Гидон Кремер. Я не могу выразить словами, что для меня значит этот человек. Это важнейшая встреча в моей судьбе, которая корректирует мою жизнь. И таких встреч было очень много. *Вы недавно сделали «Бедную Лизу» с Чулпан Хаматовой. Не раз говорили, что очарованы ею. Она присутствует в вашей жизни? Вы созваниваетесь, может быть ви-*

дитесь не только на мероприятиях или по работе?

Мы стараемся звонить друг другу тогда, когда есть необходимость, а не просто так, поболтать. Это может быть и рабочая, творческая проблема, и личная.

Всем известно, что хореографические училища славятся невероятно жестким, даже жестоким воспитанием, порой через унижения. Вы рассказывали, что тоже прошли такую школу, и считаете, что эта палочная дисциплина необходима, потому что только через преодоление можно стать кем-то в этой тяжелейшей профессии. Вы предпочитаете совсем другие методы работы. А что, по-другому в начале пути нельзя?

Думаю, что можно. И очень многие педагоги были другими. Я категорически против того, что человека надо унижать, оскорблять. Ни ради чего. Это ужасно!

Это абсолютно советская система, русская, российская. Если педагог повысит голос, допустим, на американского студента, на него в суд подадут, в тюрьму посадят. Но мы же прекрасно знаем, как в обычных общеобразовательных школах учителя унижают детей. А человеку, который растет, проглатывая унижения, очень трудно стать свободным. Или, наоборот, он потом вдруг срывается, потому что должен прорваться к этой свободе. Но мне кажется, что метод оскорблений и унижений при обучении ребенка — это категорически неправильный путь. **У вас были проблемы такого рода с детьми, чтобы они жаловались на учителей?**

Бывали, да, вот буквально несколько дней назад сын пришел и спросил, прав ли он, потому что на достаточно оскорбительное замечание педагога по математике ответил, надо сказать, не очень корректно (*смеется*). И я объяснила, что, если уж парировать, то не в том тоне, который задал учитель. Если ты чувствуешь, что он не прав, то самому ни в коем случае нельзя опускаться на этот уровень. Эту ситуацию, я считаю, сын должен был решать сам. Но вообще детей надо защищать. Они должны знать, что в крайнем случае они всегда могут прийти к родителям. Ведь сколько мы знаем случаев, когда детей насилуют и они боятся об этом сказать. Это значит, что мама с папой довели эту ситуацию до такого состояния. Ужасно и страшно, когда родители не являются друзьями, защитниками. Ребенок должен всегда всем делиться в семье. Надо воспитывать желание прийти домой и рассказать все. Он должен знать, что его здесь выслушают и поймут.

Дочь, став взрослой, и сейчас делится всем?

Я у нее никогда ничего не спрашиваю. Если она захочет мне что-то рассказать, она расскажет. Но мы с ней очень близки.

Но бывают же ситуации, когда ребенку нужно помочь что-то рассказать...

Да, иногда бывает такое. Но где та грань, за которую уже заходить нежелательно, где уже надо остановиться? С желанием помочь тоже надо быть очень осторожным.

И вы это всегда интуитивно чувствуете или вам помогает то, что ваш близкий друг — известный психотерапевт и что вы читаете много книг по психологии?

Да, я этим занимаюсь. Это просто часть моей профессии. И в жизни это тоже очень помогает. Я думаю, что человек, способный анализировать материал, конечно, должен много читать, в том числе такую литературу. И это очень важно для понимания реальности.

И проанализировав ситуацию, вы, как правило, ищите вину в себе?

Дело не в этом. Важно проанализировать все предлагаемые обстоятельства. Но, понимаете, я нахожусь в том статусе и в той силе, и всегда находилась, что могу ситуацию и отношения строить так, как это нужно мне. В любом случае я всегда лидер. И если я говорю, что поступила там-то и там-то не совсем точно и это послужило причиной для какого-то негативного случая или конфликта, то причина, естественно, во мне.

Но с непорядочностью и подлостью вы тоже сталкивались.

Разве причина была в вас?

Безусловно! Значит, просто не подумала что-то. Мы сами строим свою жизнь. Это приятно, конечно, говорить, что «у меня так случилось». Нет, не случилось, а сделал так, что вот это произошло! Но я тоже обманываюсь, оболыщаюсь. Это жизнь. Значит, просто нужно было просчитать на несколько шагов вперед, но не

было времени, не было желания. Думаю, что все, что мы имеем, мы имеем заслуженно. Ты всегда можешь отказаться от чего-то или по-другому выстроить отношения. Все равно корень в твоих поступках. Ты проходишь эти коридоры, этот путь. Я верю в судьбу, которую мы строим своими руками.

И когда сваливаются несчастья, тоже мы сами виноваты? Это же может произойти по независящим обстоятельствам, как в случае с вашей травмой...

Как это по независящим?! Надо было, как только заболело, сразу пойти к врачу, а не репетировать до потери сознания. Такой травмы могло бы не быть. Врач написала бы справку. Опять следующая ситуация: я могла бы в связи с этой справкой не работать или работать...

Но сейчас вы думаете, что благодаря этому преодолению вы сложились как хореограф и что иначе бы не было таких ваших мощных спектаклей, в которых столько боли?

С одной стороны, да. Я считаю, что все, кто чего-то добился, особенно в этой профессии, прошли через преодоление себя, боль и препятствия. Но, с другой, кто знает: может быть, если бы я раньше об этом подумала, моя судьба сложилась бы в сто раз лучше.

А откуда у вас в детстве возникло такое сильное желание заниматься балетом, что, после того как вас не приняли, вы со слезами уговорили маму устроить вас туда чуть ли не по блату?

А почему ребенок вдруг начинает сочинять стихи или рисовать? Разве он может сказать почему? Я не могу слышать один и тот же рассказ: «Сходил на «Щелкунчик», и у меня появилось желание танцевать...» Когда это говорят двести человек, это уже как-то... Конечно, может быть, у них у всех это так и произошло (*смеется*). Но у меня ничего такого не было, хотя в «Мариинку» меня мама, безусловно, водила в детстве.

«МЫ САМИ
СТРОИМ СВОЮ
ЖИЗНЬ. ВСЕ,
ЧТО МЫ ИМЕЕМ,
ЗАСЛУЖЕННО»

Вы не раз говорили, что испытали потрясение, глядя на Ульяну Лопаткину, Диану Вишневую, Фаруха Рузиматова. Вы уже много лет связаны с драматическим театром и Школой-студией МХАТ. А у вас были потрясения от драматических спектаклей?

Были спектакли, которые на меня произвели невероятное впечатление. И может быть, впоследствии они послужили толчком к возникновению каких-то моих спектаклей. Даже наверняка. Но за последнее время в театре и кино я таких сильных эмоций, к сожалению, не испытывала. Все-таки сейчас это симфонические концерты. Я имею в виду прежде всего концерты Жени Кисина и Гидона Кремера. Это то, что я могу

назвать потрясением. Для меня вообще ничего сильнее музыки нет. И ничто не оказывает на меня такого же воздействия.

А в обычной жизни насколько вам нужна музыка?

Ой, она мне категорически не нужна (*смеется*). Стараюсь, чтобы нигде ничего не звучало. В машине у меня включена музыка, с которой я работаю. А слушать фоном не люблю. Если же я готовлюсь к репетициям, размышляю над спектаклем дома, то ничего играть категорически не может. Вообще у нас дома в основном тишина. По телевизору может что-то мелькать практически без звука. Обязательно смотрю только новости. Не являюсь приверженцем никакой определенной

программы. Если появляется субъект, который мне интересен, я буду смотреть с ним любую передачу.

А как вы расслабляетесь? Лежать на диване и тупо что-то смотреть — это не для вас?

Нет, почему? Я ложусь на диване (*смеется*). Если идет какая-то любопытная передача, могу посмотреть. Я люблю ходить в кино. И у нас с Мишей, сыном, заведено, что мы каждое воскресенье идем в кинотеатр. Есть обязательные вещи. Например, все премьеры Джонни Деппа (*смеется*). У нас семья поклонников Джонни Деппа. Я имею в виду, конечно, не Рому (муж, главный режиссер Театра им. Пушкина Роман Козак), а меня с Мишей и с дочерью Аней. Мы не пропускаем ничего. *А в нашем кино есть кто-то из актеров или режиссеров, чьи работы вы тоже не пропускаете?*

Когда-то я не пропускала того, что делают Олег Иванович Янковский, Иннокентий Михайлович Смоктуновский, Алиса Бруновна Фрейдлих, Станислав

«ДЛЯ МЕНЯ
ВООБЩЕ
НИЧЕГО
СИЛЬНЕЕ
МУЗЫКИ НЕТ»

Андреевич Любшин, Татьяна Васильевна Доронина, Алла Сергеевна Демидова. Те из них, кто еще жив, сейчас в кино уже практически не снимаются.

Но когда появляются их новые работы на экране или в театре, стараюсь пойти и посмотреть.

И время для этого в вашем графике всегда находите.

Наверное, потому что вы организованный человек?

Я не могу себя так похвалить, сказать, что я прямо уж такая организованная (смеется).

???

Я домашний человек. И как только, не дай бог, приду домой, то все, отсюда меня уже выкурить очень сложно. Главное, если хочю куда-то пойти, — не захватить домой (смеется), потому что там сын...

И все, оторваться уже невозможно. Я люблю дом. Мне нравится, когда есть возможность не выходить из него.

«ПРОЙТИ МОЖЕТ ВЛЮБЛЕННОСТЬ, А ЛЮБОВЬ — ЭТО КАКАЯ-ТО ДРУГАЯ ШТУКА»

Мне очень понравилась ваша фраза: «Бывают моменты, когда я могу и не хочу владеть собой.

И тогда случается счастье и несчастье одновременно...»

Это любовь! (улыбается)

А что для вас любовь? Вы столько про нее ставите, что, наверное, знаете больше, чем многие. Или это нельзя объяснить, тем более при вашем отношении к словам?

Любовь — это не то, что может пройти. Пройти может влюбленность, страсть, а любовь — это какая-то другая штука...

Любовь — это болезнь?

Страсть — это болезнь. А любовь — это боль. Когда ты думаешь об этом человеке (задумывается, пытаясь найти слова), и у тебя сжимается все внутри, потому что чувствуешь, что он незащищен. Незащищенность человека в твоих глазах — вот что такое любовь...

Вы как-то сказали, что с возрастом в вас немного прибавилось хладнокровия, но если поделить это на темперамент, то получится именно правильная пропорция, даже можно еще поубавить темперамента...

Я думаю, что не надо ничего делить. Конечно, мой темперамент — это данность. И я с этой данностью работаю, пытаюсь ее привести, как мне кажется, в состояние гармонии. Другое дело, что у меня это, конечно, не получается (смеется), но я стараюсь это делать. Хотя, в принципе, у меня все прекрасно! (улыбается)

Марина Зельцер